

УДК 327

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

© 2024 **ЩИПКОВ Александр Владимирович**

Доктор политических наук

Ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова

127051, г. Москва, Крапивенский переулок, дом 4

E-mail: mail@shchipkov.ru

Поступила в редакцию 10.10.2023

Принята к публикации 13.03.2024

Аннотация. Современный уровень политической науки требует учитывать влияние традиций, культурно-исторических особенностей общества на политические процессы и системы разных стран. В этих условиях идентичность и традиция вновь получают право на прямое политическое высказывание. Концепции, объясняющие состояние общества с точки зрения культурно-исторических факторов, принято называть цивилизационными теориями. Задачи статьи – описать основания русско-византийского культурно-исторического типа и его отношения с западноевропейским и показать возможность реактуализации культурно-исторического подхода в современной социальной и политической мысли. Выявлены научные методы в раскрытии логики взаимодействия культурно-исторических и политико-экономических факторов, а также предложен метод мир-системного анализа в качестве дополнения к ним. Сделан практический вывод, что устойчивые политические институты в России всегда формировались под влиянием глубинных культурно-исторических процессов. В те периоды, когда эта закономерность уступала место механическому выбору политических институциональных форм, в обществе нарастали кризисные процессы. В XX в. это привело к возникновению феномена «разделенного народа» и кризису национальной идентичности. Далеко зашедшие последствия этого кризиса общество сегодня вынуждено преодолевать в формате военной операции.

Ключевые слова: цивилизационные теории, либеральный эволюционизм, неоколониалистское мышление, политико-идеологическая парадигма, русско-византийский культурно-исторический тип, мир-системный анализ

DOI: 10.31857/S020170832402013X

Политическая жизнь общества культурспецифична. Она испытывает воздействие меняющихся экономических и геополитических процессов и одновременно зависит от неизменных локальных особенностей конкретной страны и народа. Двойная зависимость порождает проблему соотношения внешних и имманентных (национально-культурных) факторов в политике.

Современный уровень политической науки требует учитывать влияние традиций, культурно-исторических особенностей общества на политические процессы и системы разных стран. Такой взгляд особенно важен сегодня, когда глобализация обнаруживает собственные пределы. В результате локальный уровень политических процессов начинает преобладать над глобальным, а цивилизационные, национальные и религиозные общности вновь становятся главными акторами истории.

В этих условиях идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Как в XVIII–XIX вв., этот внутренний ресурс определяет уровень политического суверенитета государства и общества. Он действует как мощное средство политической мобилизации масс и политических элит. В политическом споре выигрывает тот, чья идентичность более прочна и устойчива, а кризис идентичности ведет к утрате политических позиций. Некоторые политические субъекты, прежде всего США и их союзники, используют пассионарный заряд чужой идентичности в собственных целях, например в Сирии, на Украине и в ряде других стран Европы.

По мере ослабления и утраты суверенитета снижается уровень политического самосознания общества. Например, на Украине в связи с перспективой затяжного военного конфликта растет разочарование населения, падает доверие к центральной власти, на первый план выходят вопросы эмиграции. В частности, в Харькове такие настроения подогревает неофициальная информация о массовой продаже жилой площади сотрудниками силовых структур (одна из наиболее осведомленных социальных групп). В данном случае культурно-исторический аспект социального развития страдает от утраты политического суверенитета, но эта аномальная ситуация не свидетельствует о приоритете политических факторов в долгосрочной исторической перспективе, а только указывает на наличие связи культурно-исторических факторов и актуальных политических процессов.

Задача статьи – показать факт присутствия культурно-исторической логики в политико-экономической и социальной мысли и, как следствие, в современном политическом сознании. Это присутствие в зависимости от конкретных исторических и политических обстоятельств может быть как имплицитным, так и эксплицитным, вызывать притяжение и отталкивание.

Концепции, объясняющие состояние общества в первую очередь с точки зрения культурно-исторических факторов, принято называть цивилизационными теориями. В работах известного русского ученого Николая Яковлевича Данилевского этот подход изложен в рамках теории культурно-исторических типов [Данилевский, 1995]. С современной точки зрения, культурно-историческом тип предполагает базовые компоненты идентичности, выраженные в картине мира народа, нации или цивилизации в разные исторические периоды в числе прочего в сфере политики.

Вопреки распространенному стереотипу, культурно-исторические, или цивилизационные, концепции в политической науке – не продукт почвеннического сознания, а результат культурного обмена. Русский вариант этого направления подобен западным аналогам, которые берут начало в работах О. Шпенглера («Закат Европы») и А. Тойнби («Постижение истории») и развиваются вплоть до «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Особенно важную роль в европейской науке сыграла концепция М. Вебера, который определил культурно-религиозные основания западного сознания как сочетание «протестантской этики и духа капитализма» [Вебер, 2002].

Для научного анализа и объяснения политических процессов культурно-исторический метод начал использоваться в XIX в. Одновременно родилась его критика. Отдельный интерес в этом контексте представляет реферат философа Владимира Сергеевича Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания» [Соловьев, 1990]. В работе можно выделить идею о социальной и политически преобразующей роли христианства, которая формально скорее объединяет философа с оппонентами в лице Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и их единомышленников. В качестве инструмента решения этой задачи В.С. Соловьев видел всемирное теократическое государство, т. е. заимствовал идеи не из русско-византийской, а из романо-католической культурной парадигмы, чем походил на своего предшественника П.Я. Чаадаева.

В.С. Соловьев был склонен принимать один из существующих культурно-исторических типов за универсальный. Философ видел в нем нормативные свойства цивилизации и прогресса. В сущности, это была идея культурно-цивилизационного превосходства. С этой позиции В.С. Соловьев подверг критике идеи Н.Я. Данилевского. Взгляд философа позднее подхватила западническая критика, в частности П.Н. Милуков, а в советское время – М.Н. Покровский. Последний увидел в книге «Россия и Европа» не исторический прагматизм и реализм, а «кодекс славянофильства». Покровский назвал Н.Я. Данилевского «славянофилом, превратившимся в германофоба, возведшим в закон истории вражду России и Европы» [Покровский, 1923].

В XX в. культурно-исторический подход подвергся критике с позиций либерального эволюционизма. Американский исследователь-советолог Р. Мак-Мастер в 1960-е гг. выпустил книгу под названием: «Данилевский – русский тоталитарный мыслитель». В отечественной научной среде критика культурно-исторического подхода активно развивалась в 1990–2000-е гг. Если в советской России было принято обвинять культурно-исторический подход в реакционности,

то в постсоветской – в соответствии с западным стандартом – в тоталитарности. При различии этих идеологических векторов очевидна их общая задача.

Для либерального эволюционизма характерно понимание истории как последовательной и стадиальной смены универсальных для всех народов политико-экономических формаций. Этот взгляд основан на праве одних наций развиваться за счет других, которое утверждается ради абсолютных истин социального прогресса. Данная позиция, как правило, сопровождает политику гегемонизма, глобализма, практику вывоза капитала и финансово-экономической экспансии и лежит в основе неоколониалистского мышления. Усиление этих явлений на рубеже XX–XXI в. привели к радикализации неолиберальной идеологии в части ее противостояния культурно-историческому подходу. Развивались новые формы соперничества, прежде всего радикальный конструктивизм – концепция, направленная против любого дискурса, который содержит идеи исторической преемственности, традиции и культурного наследования. Среди соответствующих работ можно выделить труды Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983), сборник «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера (1983) и монографию Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» (1990) [Андерсон, 2001; Хобсбаум, 1998; Hobsbaum, Ranger, 1983].

Историк А.Н. Севастьянов описывает это направление мысли следующим образом: «В 1980–1990-е гг. на Западе сложилось целое направление под названием “конструктивизм”, которое вообще отрицает реальность таких феноменов, как раса, этнос или нация, но полагает их некими “воображаемыми сообществами”, своего рода виртуальной реальностью, существующей лишь в нашем сознании в качестве сотворенных “конструктов”, а не в реальной жизни. Конструктивизм пользуется колоссальной политической поддержкой, всемерно пропагандируется и распространяется по всему миру, а с 1990-х гг. и в России. Причина проста: это опорная теоретическая база для наступления на идейные основы национального суверенитета, национальной государственности, на саму идею наций и национализма, в чем кровно заинтересованы влиятельные международные силы, за которыми стоит транснациональный капитал» [Севастьянов, 2012]. В качестве спроектированных интеллектуальных конструктов – «проектных явлений» – в работах представителей конструктивизма описываются культурные, социогуманитарные феномены и традиция в широком смысле [Hobsbaum, Ranger, 1983].

Политические процессы минувшего столетия позволяют констатировать, что XX в. доказал правоту Н.Я. Данилевского, а не В.С. Соловьева. В конце XX – начале XXI вв. мир стал свидетелем возвращения к идеологемам XVIII–XIX вв., т. е. от идеи «всемирности» в виде либерального универсализма – к идеям «конфликта цивилизаций», «глобального Севера и глобального Юга», «правильной и неправильной сторон истории», к новым разделительным линиям в мировых политических процессах, которые почти всегда проходят по прежним культурно-историческим границам. Пересмотр взглядов на современную политику постепенно происходит среди эволюционистов. Например, известный финансист Джордж Сорос в поздних работах допускает, что «западная форма представительной демократии может являться отнюдь не единственной формой правления, совместимой с Открытым обществом» [Сорос, 1999: 84].

Иными словами, современный мир вступил в переходный период постепенного ослабления старой политико-идеологической парадигмы. Сегодня реакция на стресс и перенапряжение внутри мировой политической системы определяют трансформацию политических институтов и коллективного политического сознания. Описываемая ситуация, называемая кризисом модерна, – закономерный итог развития культурно-исторических оснований поздних институтов протестантского мира, в частности экономики ссудного процента и концепции культурно-цивилизационного неравенства, поддержанной протестантской религиозной идеей «избранности ко спасению».

Многие ученые уже в конце XX в. учитывали существенную роль культурно-исторических констант в современном мире и подчеркивали применительно к России, что «...русско-византийский (и русско-балканский) диалоги, стоящие у истоков русской культуры, перестают быть эпизодами, существенными для изучения далеко прошедших эпох, а входят в число долгодействующих структурных факторов истории русской культуры» [Лотман, 1989: 235].

Исходя из внешней формы веберовского определения западноевропейского мира русско-византийский культурно-исторический тип можно определить как сочетание православной этики и духа общинной солидарности. К этим базовым принципам относится вытекающая из общинности стихийная эгалитарность. Яркое проявление устойчивости этой культурно-исторической особенности связано с восприятием русским крестьянством событий 1917 г. Революцию поддержала беднейшая и самая многочисленная часть крестьян. Они понимали революцию как «всеобщее поравнение» перед Богом, «репетицию Страшного суда», строительство подобия Рая на земле. Все это – не каноническое православие, а сектантское, еретическое, хилиастическое. Большую роль в его формировании сыграли последствия раскола и синодального периода в истории Церкви, когда она бюрократизировалась и упускала паству.

Пример устойчивости русско-византийских культурно-исторических форм в их влиянии на политику связан с «симфонией властей» – ролью Церкви в решении социальных проблем совместно с государством. После отделения Церкви от государства, интеллигенция стремится сотрудничать с государством и оппонировать ему, а также быть «духовным наставником» народу, учить и окормлять. Социальный институт временно перестал действовать, но культурный архетип продолжает генерировать подобия в новых исторических условиях.

Исследователи относят к основам русско-византийской цивилизации «модель пластичного универсализма», получившую отражение в идеях «всечеловечности» и политических проекциях идеи соборности, а также континуальность – способность вписывать в единый ценностный контекст разные национальные культуры. Именно эта сторона византийской цивилизации сделала ее в свое время библиотекой христианского наследия и обеспечила инклюзивные возможности. Отдельно следует упомянуть иконичность, т. е. восприятие мира земного как прообраз высшей реальности – икону. Этот принцип воплощен в иконописи и крестово-купольной стилистике храмового зодчества («образ неба на земле», пространство

храма как «икона» Рая в отличие от бесконечной устремленности к нему готических соборов).

Партиципативность и избегание дихотомического рационализма в русско-византийской ментальности – результат преобладания платоновского, а не аристотелевского наследия в рамках христианского платонизма, как основы восточного богословия. В основе христианского гуманизма лежит принцип нравственного права, а не формального естественного права, автономного по отношению к категориям морали и справедливости. Отсюда русское убеждение в том, что справедливость важнее писаного закона.

Другой признак русско-византийского культурно-исторического типа – особая роль государства (необязательно монарха), от которого народ ждет защиты от диктаторов (в византийской терминологии), т. е. дворянства, олигархии, бюрократии, партийной номенклатуры. Принцип народоначальия и демократии большинства, который государство обязано защищать от притязаний диктаторов, сочетается с централизмом. Отсюда проистекают специфика византийской монархии – не династической, а наполовину выборной и принцип социальных групп, а не партийности в парламентаризме [Щипков, 2017]. После рассмотрения оснований русско-византийского культурно-исторического типа в социально-политической плоскости необходимо проанализировать развитие его отношений с соседним западноевропейским (романо-германским и англосаксонским).

Россия стала вызовом для западноевропейского мира в XVI в., когда ей начинают приписывать варварские черты. Франсуа Рабле упоминал в качестве варваров «московитов, индейцев, персов и троглодитов». Причины заключаются в том, что европейская идентичность начинает конструироваться как нехристианская и антитрадиционалистская, отказывается от привычных социальных установок, тогда как Россия сохраняет внутреннюю целостность, самотождественность, эссенциалистское, партиципативное сознание вместо номиналистско-конструктивистского.

Русско-византийский диалог, начатый Крещением Руси, предопределил развитие отношений с западноевропейской цивилизацией, которая постепенно переставала быть христианским миром. По этим причинам культурное воздействие на западном направлении не могло достичь диалогического формата. Оно вело к расщеплению русской идентичности, поскольку накопленная энергия византийского влияния в отсутствие первоисточника не находила выхода и уходила в разлом элиты и народа. Из этого появились представление о «двух Россиях» и знаменитое определение О. Шпенглера, который писал в «Закате Европы» о русской культуре как о псевдоморфозе.

Поверхностное влечение к Западу на уровне политических элит, а не широких слоев общества вело к глубинному отталкиванию от западноевропейского мира (одного или нескольких культурно-исторических типов в разных классификациях) со стороны социального большинства. Отталкивание проявилось, в частности, в осознании того, что в 1941–1945 гг. России, как в Крымской войне и в Первой мировой, противостояла не одна страна, а большая часть Европы. Это выразилось в подходе к взаимоотношениям с Европой в период Гражданской войны, когда обсуждался вопрос о компенсации за интервенцию. Характерно, что при возврате царских долгов западнические элиты конца 1980-х – начала 1990-х гг. не рассматривали эту проблему.

Ученые в рамках культурных исследований неоднократно подчеркивали, что «именно в тот момент, когда русская культура стала подчеркнута противопоставлять себя Западу, она приобрела в глазах Запада интерес» [Лотман, 1989: 235]. Отталкивание и конкурентное отношение со стороны одного культурно-исторического актора может сформировать более продуктивную модель взаимоотношений (и возможность диалога), чем искусственная комплементарность. Примеры китайской и японской культур показывают, что самоизоляция и автаркия в терминологии либерального эволюционизма нередко освобождают от глобальной зависимости и могут быть накоплением энергии роста, ведущей к культурному взрыву. В таком случае страна берет на себя функцию осуществления разметки не только своего, но и окружающего культурного пространства, его структурирования. У России этот шанс появился в 2014 г.: культурно-историческая память, связанная с Византией, получила огромный толчок посредством возвращения Крыма и, в частности, Херсонеса-Корсуни. Накопление энергии для следующего рывка продолжается.

Культурно-исторический подход к социально-политическим вопросам предполагает отказ от мифа о единой «столбовой дороге цивилизации». При восприятии всех цивилизаций как уникальных вступает в силу закон несравнимости и несоизмеримости – принцип «культурно-ценностного плюрализма», о котором писал, например, Дж. Грей в книге «Поминки по Просвещению», оспаривая универсалистские претензии современного неолиберализма [Грей, 2003]. Однако отрицание тезиса об уникальности культур приводит к ситуации, когда кто-то присваивает право на метапозицию по отношению к другим, право говорить от имени общего, от имени единых стандартов, которые в любом случае будут опосредованы определенной традицией. В итоге эта позиция формирует доктрину глобального доминирования, наследующую колониальной политике, которая начиналась с признания территории нехристианских народов «ничейной землей» (*terra nullius*).

Понять логику взаимодействия культурно-исторических и ситуативных политических (политико-экономических) факторов позволяет системный подход в политологии и социологии, который связан, в частности, с именем американского политолога Дэвида Истона. Этот подход предполагает «рассмотрение политики как целостного, саморегулирующегося механизма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход и выход системы» [Истон, 1997: 630–642]. В рамках социально-кибернетической модели политической системы Д. Истона ее вход (*input*) и выход (*output*) в условиях равновесия согласованы друг с другом по принципу обратной связи (*feedback loop*). Это означает среди прочего тесную взаимообусловленность влияния культурно-исторических причин на действия политических акторов. Яркий пример – зависимость процессов социальной архаизации современного общества и ультраправого сдвига политико-идеологического дискурса.

Системный подход в политологии позволяет учесть весь набор связей политики, экономики, религии и информационной сферы. Особенно важна систематизация разных факторов для анализа политико-идеологических процессов в условиях

мирового кризиса, который характерен для периода позднего модерна или второго модерна (Ульрих Бек), постмодерна и т. д.

Концепция культурно-исторической обусловленности поведения политических субъектов, к которым относятся нации, народы, государства, отдельные политические группы влияния, не должна абсолютизироваться. Имманентные факторы политического процесса уравновешены влиянием конкретных политико-экономических обстоятельств и общим состоянием мировой политико-экономической системы. Эта закономерность требует дополнительного учета влияния внешних факторов по отношению к национальным, культурно-историческим.

В большинстве случаев первый и второй ряд факторов противопоставлены друг другу: их векторы силы направлены противоположным образом. Например, действующие в мире формы политической и экономической зависимости, мировое разделение труда, социальное неравенство в одних случаях ускоряют (в странах экономического центра, «золотого миллиарда», или «глобального Севера»), а в других – тормозят (в странах мировой периферии) национально-культурное развитие, как в колониальную эпоху. В ряде случаев это ставит под вопрос историческую субъектность целых наций и народов (Сирия, Ирак, Украина и др.).

Внешний и внутренний ряды факторов диалектически взаимосвязаны. Например, обретение национального суверенитета может начинаться с изменения политико-экономического курса или национально-культурного подъема, или эти процессы идут параллельно. Для того чтобы культурно-исторический подход к политике мог претендовать на универсальность, он должен быть дополнен методологией, описывающей действие в политике системных факторов общемирового значения. Таким дополнением могут служить русская школа А.С. Панарина [Панарин, 1999] и школа мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна и его последователей. [Валлерстайн, 2008]. Кроме того, системное культурно-историческое направление мысли развивают последователи социал-традиционализма [Щипков, 2017].

Комплексный подход, с одной стороны, согласуется с концепцией Н.Я. Данилевского, который подчеркивал: «Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [Данилевский, 1995], с другой – соответствует методологическим требованиям современной науки.

Сегодня теоретические выводы все чаще подтверждает политическая практика. Например, идея принесения себя в жертву ради укрепления атлантических ценностей и продления англо-американской гегемонии ведет европейцев к утрате прежних позиций в мировой экономике, переживанию бессилия фиктивной демократии и размыванию гражданской идентичности.

Аналогичная закономерность прослеживается применительно к России. Устойчивые политические институты в стране всегда формировались под влиянием глубинных культурно-исторических процессов. В периоды, когда эта закономерность уступала место механическому выбору политических институциональных форм, в обществе нарастали кризисные процессы. В XX в. эта ситуация при-

вела к возникновению феномена «разделенного народа» (по определению В.В. Путина) и кризису национальной идентичности. Общество вынуждено преодолевать далеко зашедшие последствия этого кризиса в формате военной операции. Адекватная оценка культурно-цивилизационных факторов развития общества должна помочь избежать подобных кризисов в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. КА-НОН-пресс-Ц; Кучково поле, Москва. 288 с.
- Валлерстайн И. (2008) *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. Товарищество научных изданий КМК, Москва. 176 с.
- Вебер М. (2002) *Протестантская этика и дух капитализма*. Ист-Вью, Москва. 352 с.
- Грей Дж. (2003) *Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности*. Праксис, Москва. 368 с.
- Данилевский Н.Я. (1995) *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому*. Издательство С.-Петербургского университета; Издательство «Глаголь», Санкт-Петербург. 552 с.
- Истон Д. (1997) Категории системного анализа политики. *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2*. Отв. ред. Т.А. Алексеева. Мысль, Москва. С. 630–642.
- Лотман Ю.М. (1989) Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. *Византия и Русь (памяти Веры Дмитриевны Лихачевой. 1937–1981)*. Сост. Т.Б. Князевская. Наука, Москва. С. 227–236.
- Панарин А.С. (1999) *Россия в циклах мировой истории*. Изд-во МГУ, Москва. 288 с.
- Покровский М.Н. (1923) Восточный вопрос (От Парижского мира до Берлинского конгресса). *Дипломатия и войны царской России в XIX столетии*. Под ред. М.Н. Покровского. Красная Новь, Москва. С. 230–301.
- Севастьянов А. (2012) Идолы конструктивизма. *Вопросы национализма*. № 10. С. 191–233.
- Соловьев В.С. (1990) Об упадке средневекового миросозерцания. Реферат, читанный в заседании Московского Психологического общества 19 октября 1891 года. *Сочинения в 2 т. Том 2*. Общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. Мысль, Москва. С. 339–350.
- Сорос Дж. (1999) *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. ИНФРА-М, Москва. 262 с.
- Хобсбаум Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года*. Алетейя, Санкт-Петербург. 308 с.
- Щипков А.В. (ред.) (2017) *Социал-традиция*. АСТ-ПРЕСС КНИГА, Москва. 320 с.
- Щипков А.В. (сост.) (2017) *По-другому: Сборник статей о традиции и смене идеологического дискурса*. Абрис, Москва. 384 с.
- Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge. 320 p.

Significance of Cultural-Historical Approach for Modern Political Consciousness

A.V. Shchipkov

*Doctor of Sciences (Political), Professor
Russian Orthodox University of St. John the Theologian, Rector
4, Krapivensky lane, Moscow, Russia, 127051*

E-mail: mail@shchipkov.ru

Abstract. The modern political science requires taking into account the influence of traditions, cultural and historical characteristics of society on political processes and political systems of different countries. Under these conditions, identity and tradition get back the right to direct political expression. Concepts that explain the state of society primarily from the point of view of cultural and historical factors are usually called civilization theories. The article aims at describing the foundations of the Russian-Byzantine cultural-historical type and its relationship with the Western European one. Scientific approaches to revealing the logic of interaction between cultural-historical and political-economic factors have been identified, and a method of world-system analysis has been proposed complementarily. It is concluded that stable political institutions in Russia have always been shaped under the influence of deep cultural and historical processes. During those periods when this pattern gave way to a mechanical choice of political institutional forms, crisis processes grew in society. In the twentieth century, a similar situation led to the emergence of the phenomenon of a “divided people” and a crisis of national identity. Society today is forced to overcome the far-reaching consequences of this crisis in the format of the special military operation.

Key words: cultural specificity, civilizational theories, liberal evolutionism, neo-colonialist thinking, political-ideological paradigm, Russian-Byzantine cultural-historical type, spontaneous egalitarianism, continuity, iconicity, participatory nature, world-system analysis

DOI: 10.31857/S020170832402013X

REFERENCES

- Anderson B (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism], KA-NON-press-TS; Kuchkovo pole, Moscow, Russia. (In Russian).
- Danilevsky N.Ya. (1995) *Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otno-sheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world], Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta; Izdatel'stvo «Glagol'», Saint Petersburg, Russia. (In Russian).
- Easton D. (1997) Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories of systems policy analysis], in Alekseeva T.A. (ed.) *Antologiya mirovoj politicheskoy mysli* [Anthology of world political thought], in 5 vol., 2, Mysl', Moscow, Russia. (In Russian).
- Gray J. (2003) *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremen-nosti* [Wake of the Enlightenment: Politics and Culture in the Decline of Modernity], Praxis, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hobsbaum E (1998) *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).
- Hobsbaum E., Ranger T. (es.) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge.
- Lotman Yu.M. (1989) Problema vizantiiskogo vliyaniya na russkuyu kul'turu v tipologicheskom osveshchenii, in Knyazevskaya T.B. (ed.) *Vizantiya i Rus' (pamyati Very Dmitrievny Likhachevoj. 1937–1981)* [Byzantium and Rus' (in memory of Vera Dmitrievna Likhacheva. 1937–1981)], Nauka, Moscow, Russia, pp. 227–236 (In Russian).

Panarin A.S. (1999) *Rossiya v ciklah mirovoj istorii* [Russia in the cycles of world history], Izd-vo MGU, Moscow, Russia. (In Russian).

Pokrovsky M.N. (1923) Vostochnyj vopros (Ot Parizhskogo mira do Berlinskogo kon-gressa) [The Eastern Question (From the Peace of Paris to the Berlin Congress)], in Pokrovsky M.N. (ed.) *Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii*, Krasnaya Nov', Moscow, Russia, pp. 230–301. (In Russian).

Sevastyanov A. (2012) Idoly konstruktivizma [Idols of constructivism], *Voprosy nacionalizma*, 10, pp. 191–233. (In Russian).

Shchipkov A.V. (2017) *Social-tradiciya* [Social tradition], AST-PRESS KNIGA, Moscow, Russia. (In Russian).

Shchipkov A.V. (ed.) (2017) *Po-drugomu: Sbornik statej o tradicii i smene ideologicheskogo diskursa* [In a different way: Collection of articles on tradition and change in ideological discourse], Abris, Moscow, Russia. (In Russian).

Soloviev V.S. (1990) Ob upadke srednevekovogo mirosozercaniya [On the decline of the medieval worldview]. Referat, chitannyj v zasedanii Moskovskogo Psihologicheskogo obshchestva 19 oktyabrya 1891 goda, in Gulygi A.V., Loseva A.F. (ed.) *Sochineniya v 2 t.*, 2, Mysl', Moscow, Russia, pp. 339–350. (In Russian).

Soros J. (1999) *Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti* [The Crisis of Global Capitalism. The open society is in danger], INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Wallerstein I. (2008) *Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaya civilizaciya* [Historical capitalism. Capitalist civilization], *Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK*, Moscow, Russia. (In Russian).

Weber, M. (2002) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism], East View, Moscow, Russia. (In Russian).